имоопределяемости (ср.: [6, с. 156, 628]). Смысловое различие между ними усматривается по параметру интенсивности: ненависть – это *сильнейшая* вражда. Поскольку этот смысловой параметр носит весьма субъективный характер, в юридической практике принято использовать понятия «ненависть» и «вражда» рядом, в качестве семантических синонимов, специально не разграничивая их значения. *Вражду* можно считать и именовать (с различными субъективными оговорками) ненавистью, и наоборот.

«Субъективная оговорка», связанная с возможностью разграничить понятия ненависти и вражды, может основываться на толковании вражды как «отношений и действий, проникнутых *неприязнью*». *Неприязнь*, по словарному толкованию, – это «недружелюбное, недоброжелательное чувство к кому-, чему-л.; нерасположение» (Там же, с. 636). Понятия «неприязнь» и «ненависть» здесь выступают как квазисинонимы, фиксирующие явления, находящиеся в причинно-следственной связи («неприязнь» → «ненависть»).

Таким образом, с позиций юридически ориентированной лингвокультурологии получается, что рассмотренную публикацию следует охарактеризовать как экстремистский материал – с тем уточнением, что это материал неочевидной экстремистской направленности. Распространение таких материалов в средствах массовой информации – одна из разновидностей экстремистской деятельности, которая, в свою очередь, выступает в качестве побуждения к аналогичной деятельности.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М. : АСТ: АСТ Москва; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009.

2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь : репринт 5-го изд. 1899 г. М., 1991.

3. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам. М. : Юрид. мир, 2006.

4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1976.

5. Кушнир О.Н. Об «экстремизме» как концепте // Обществ. науки. 2011. №2. С. 38–43.

6. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.; М. : Рипол-Норинт, 2008

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998.

8. Пантелеев Б.Н. Политкорректность как условие выживания // Татарский путь: права народа и политкорректность. Казань : Магариф, 2003. С. 49–57.

9. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1.

10. Русский фразеологический словарь. URL : http://glossword.info/index.php/term.

11. Словарь издательских терминов / под ред. А.Э. Мильчина. М. : Книга, 1983.

12. Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы / ред.-сост. М.Ф. Мэллет. М. : Права человека, 1998.

13. Средства массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. М. : Аспект Пресс, 2010.

14. Яременко Г. Военная косточка // Великолукская правда. URL : http://vlpravda.ru /content/view/4442/1.

Considering the issue of non-obvious extremist orientation in journalism

The significance of the phenomenon of extremism in the modern political life determines the communicative value of the concept "Extremism", affective and valuation, motivational and volitional in character. Special attention should be paid to the texts, where extremism is not noticeable directly. There is analyzed the newspaper publication, which includes non-obvious extremist orientation.

Key words: *juristically oriented linguistic culture, macro-concept, effecting function, informational function, affective and valuation.*

Л.А. ШЕСТАК
(Волгоград)

КОРНИ И КРОНЫ: КОНЦЕПТ КАК ГЕН МЕТАФОРИКИ (на материале русского, польского, болгарского и английского языков)

Освещены проблемы когнитивного моделирования (на материале славянских метафорических моделей).

Ключевые слова: *метафорика, модель, базовая модель, концепт, фрейм, эволюция.*

Антитеза и генетическая связь корней и листвы отражает диалектическое единство общности происхождения славянских языков и их разнообразия: «*В корнях – биенье родников, в листве – многоголосье птичье*» (Я. Хелемский).

© Шестак Л.А., 2012

В рамках филологических штудий, а также в курсах славистики удобно выявлять метафорические модели славянских языков, прежде всего базовые модели, концептуализирующие видовые понятия [11, с. 575].

В историко-культурологическом аспекте славянская образность вырастает из общей мифологии. Генезис этносов связывается с легендой о Чехе, Ляхе и Русе. Происхождение столиц славянских государств отражают польские легенды о Гнезне как гнезде белого орла, увиденного Ляхом на фоне красного заката, о сапожнике Краке, победившем обосновавшегося в Висле дракона, восточнославянские легенды о Кие, Щеке, Хорыве и сестре их Лыбеди, о Змиевых валах вдоль Днепра («*Из города Киева, из логова Змиева привез не жену, а колдунью…*» (Н. Гумилев). Однако уже период формирования письменности у славян вызывает научные споры. Это касается и Велесовой книги, и славянских рун, и даже происхождения великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Так, исследователь семиотики глаголической азбуки Л.Б. Карпенко считает, что отец знаменитых равноапостольных братьев мог быть болгарином и что «церковный календарь западных славян, на землях которых протекала миссионерская деятельность первоучителей, сохранил их славянские имена – Церко и Страхота. Имя Церко до сих пор распространено у болгар» [4, с.7].

Базовые метафорические модели славянских языков отразили картину мира как славянства в целом – оседлых пахарей, «сеятелей и хранителей» (Н.Некрасов) своей земли, так и специфику их исторического пути.

Под моделью нами понимается схематичный образец устройства или функционирования языкового, семиотического или культурологического феномена либо функциональной спецификации группы однотипных феноменов. Под базовыми метафорами понимаются мировоззренческие метафоры – исторические модели мировосприятия (*ЗВЕРЬ* как мировоззрение дородового периода стадного существования человечества, *ЗЛАК (РАСТЕНИЕ)* как мировоззрение раннеродового периода матриархата, *ВЕЩЬ* как мировоззрение Нового времени и т.д.) [9]. Понятие фразеологической модели и модели метафоризации в современной лингвистике трактуется по-разному (G.Lakoff, M.Johnson, А.Назарян, В.Савицкий и др.): как соотношение абстрактных смыслов (*делать из мухи слона – от мравката аслан прави* «делать из муравья льва», болг.; *langue va à Rome – язык до Киева доведет*) или как метафоризация фрейма (*СПОР* есть *ВОЙНА*, *СМЕРТЬ* есть *УХОД, ЖИЗНЬ* есть *ПУТЬ, СОЦИУМ* есть *ОРГАНИЗМ, СОЦИУМ* есть *СЕМЬЯ*: *он разбил мои аргументы, ладья Харона, подводные камни семейной жизни, совесть нации, отец нации).*

Категоризация и концептуализация действительности человеком имеет онтологический характер. Основной функцией языка является адаптивная: язык выступает как средство коммуникации с себе подобными, как инструмент номинации – классификации предметов и явлений окружающего мира, как инструмент абстрагирования результатов познания окружающей действительности, хранения этих знаний и передачи их следующим поколениям – т.е. средством обеспечения непрерывности человеческого прогресса. Окружающая человека действительность осмысляется им эмоционально, аксиологически, членится на сакральное и профанное, хорошее и плохое, свое и чужое, нужное и вредное. Логическими координатами познания являются как вертикальная ось «земля – небо» (*высокие помыслы, низко пасть, парить в мечтах; o całe niebo* «на целое небо» ‘ogromnie, bardzo’, польск.), так и горизонтальная ось эмпирического земного существования: осмысляются и приобретают символьный характер основные явления природы, предметы, обеспечивающие быт, отношения в семье и социуме. Базовые именования быта и бытия – *земля* и *небо*, *щит* и *меч*, *хлеб* и *вода*, *отец* и *мать*, *друг* и *враг*, *господин* и *слуга* – ценностно осмысляются, вербализуются и передаются следующим поколениям в качестве традиционного, завещанного знания и дидактических моделей (эталонов и предостережений), в качестве инвариантной информационной ценности – концептов.

Предпосылкой и базой формирования концептов являются причины как природного, так и социального характера: ландшафт и климат, этническое окружение, тип политического правления, религия, экономика. Концепт (К) как поле ценностно осмысленного традиционного знания исторически формируется как многократное переосмысление базового понятия бытия: *гора* как ‘величина’, *гора* как ‘препятствие’ → К ‘Гора’, *дорога* как ‘длительность’, *дорога* как ‘трудность’ → К ‘Дорога’, *вода* как ‘жизнь’, *вода* как ‘стихия’, *вода* как ‘колыбель всего живого на земле’ → К ‘Вода’. Концепт представляет собой историческую призму мировоззрения нации и в качестве вербализованной «метаметафоры» может быть описан как семасиологически, с точки зрения основания сравнения – имени концепта (натурморфная, зооморфная, фитоморфная, антропоморфная, социоморфная, историо-

морфная метафора, этнометафора, гастрометафора и пр. – волны гнева, медвежий угол, семена раздора, сталинские курорты, погибоша аки обре, słone ceny «соленые цены» ‘завышенные’, польск.), так и ономасиологически, с точки зрения зон именования: метафора политическая (ядерный зонтик) или научная (черная дыра, абсолютный нуль).

Концепт как голограмма всех исторических осмыслений одного и того же фрейма (*Дорога* как ‘длительность’, как ‘сложность’, как ‘забвение прошлого’, как ‘совершенствование’, как ‘жизнь’, как ‘смерть’; *Точка* как ‘центр’, как ‘начало’, как ‘малость’ и пр. и т.д.) является постоянным генератором моделей переосмысления, предпосылкой и базой языковой метафорики. Метафоризация явления (‘жизнь’ как *вода*, как *сад*, как *солнце*, как *кровь*) или ситуации (‘переход’ как *ворота*, как *лестница*, как *занавес*; ‘победа’ как *Куликово поле*, как *Полтава*, как *флаг над рейхстагом*) в генезисе является мировоззренческим мифологическим ракурсом, в синхронном же отношении – аспектным восприятием предмета, ситуации (англ. *dog Latin* «собачья латынь» ‘ломаная латынь’ – акустическое впечатление; *mackerel sky* «небо в скумбрии» ‘небо барашками’ – цветовое впечатление; *mad as a March hare* «как мартовский заяц» ‘совсем сумасшедший, спятивший’ – впечатление от внешней хаотичности перемещений), матрицей его образного видения (‘тупой’ как *осел*, как *дуб*, как *сибирский валенок* и пр.). Так образ, концепт и фрейм оказываются взаимозависимыми как онтологически, так и в качестве синхронного когнитивного механизма номинации: ритуальность жизни социума метафоризуется в виде фреймов как событийных фильтров восприятия действительности, историческое многообразие метафоризаций одного и того же фрейма создает концепт как информационную ценность традиционного, т.е. исторического и наследуемого характера.

Этническая метафорика в референциальном аспекте сфокусирована на базовых параметрах бытия. Отсюда постоянное продуцирование референциальных моделей, осмысляющих рельеф местности, климат, беды и победы нации, религию, предметы быта. Концептуальные лакуны и разномерность концептов разных языков и образуют образ мира в разных языках.

Так, островное положение Англии, ее былой статус мировой морской империи, абсолютизация социальной престижности, установка на агональность сформировали в английском языке целые пласты морской и социоморфной метафорики: *a man adrift* «дрейфующий человек» ‘морально неустойчивый человек’; *to go aloft* «отправиться на реи» разг. ‘умереть’; *beach-comber* «океанская волна» ‘бездельник, бродяга’; *to give a wide berth* «дать широкий причал» ‘обходить, избегать что-либо’; *to lay an anchor to windward* «бросать якорь с наветренной стороны» ‘принимать необходимые меры предосторожности’; *ship's bisquit* «корабельный бисквит» ‘сухарь’; *baker-legged* «с ногами пекаря» ‘кривоногий’; *every barber knows that* «это известно каждому парикмахеру» ‘это всем известно, все это знают’; *baron of beef* «барон, магнат говядины» ‘толстый филей’; *to swear like as bargee* «ругаться как барочник» ‘ругаться как извозчик’; *the bishop has played the cook* «готовил епископ» ‘подгоревшее блюдо’ и пр.

Жаркий климат, агротехническая специализация Болгарии, историческое прошлое способствовали оформлению в болгарском языке устойчивых моделей фитометафор и гастрометафор, осмысляющих в качестве основания метафорики виноградарство и виноделие, животный и растительный мир Балкан, историко-политические реалии, социальные и этнические предпочтения. В образах болгарского языка концептуализированы ландшафт, флора и фауна (*волско търпение* ‘адское’, *бълвам змии и гущери* «изрыгать змеев и ящериц» ‘метать громы и молнии’; *букова глава* «голова из бука» ‘дурак’, *играя си на орехи* ‘ играть в бирюльки’, *стана на вейка* ‘стать худым, как ветка’; *опичай си акъла* «грей мозги» ‘соображай’). Агротехническая специализация страны создала в болгарском языке метафору Лозы и Вина (*не ми трябва на баир лозе* «мне не нужна лоза на холме» ‘очень мне это нужно’; *не разбирам ни бъке* «не разбираться даже в баклаге» разг. ‘ничего не понимать’; *винен плат* «винного цвета» ‘темно-красный материал’), *гастрометафору* Восточных сладостей (*халваджия за бузоджия* «халвовар за бузовара» ‘рука руку моет’). Предметная метафора болгарского языка запечатлела ремесло и народное искусство (*той не го брее за нищо* «ни за что его не бреет» ‘ни в грош не ставит’; *умът му брее* «ум у него бреет» ‘он хорошо соображает’, *играя някому по гайдата* «плясать под чью-то волынку»). Драматическая история Болгарии сохранена в выражениях *власите се давят на края на Дунава* «валахи гибнут, душатся, топятся на краю Дуная» ‘гибнуть в последний момент’; *ибрикчия* ‘лизоблюд, подхалим’, где первоначально *ибрикчия* ‘слуга, прислуживавший при умывании перед молитвой у турок’ от слова *ибрик* ‘кувшин’; *живея като бей* «жить как бей» ‘жить богато’.

Ландшафт лесов и водоемов, роль католической церкви в жизни польского общества, историческое положение в центре Европы, ориентация на французскую культуру с ее преувеличенной куртуазностью концептуализировали в польском языке понятия Леса, Реки, реже Горы, религиозные обряды, элементы французской культуры, преувеличенную этикетность поведения, экзотические реалии. Концепты 'Лес', 'Река', 'Гора' (*zaszyć się w lesie; nauka nie poszła w las* «учеба не ушла в лес» 'nauka odniosła pożądany skutek'; *być z czymś w lesie* «быть с чем-нибудь в лесу» 'być bardzo opóźnionym w jakiejś pracy'; *coś jest w lesie, za lasem* «что-то находится в лесу, за лесом» 'o czymś co nieprędko nastąpi'; *za siedmioma rzekami, za siedmioma górami* «за семью реками, за семью горами» 'bardzo daleko') нередко пересекаются с историческими реалиями, например, упоминанием польских королевских династий: *Jeden do Sasa, drugi do lasa* «один к Сасу, другой в лес» 'nie ma nic wspólnego'. Обширная религиоморфная метафорика польского языка (*anielskie włosy* «волосы ангела» 'елочное украшение'; *bać się czegoś jak diabeł święconej wody* «бояться как дьявол освященной воды»; *masz diable kaftan* «вот тебе, дьявол, кафтан» 'ничего не вышло'; *celebrować śniadanie* «проводить обряд завтрака» 'zachowywać się, robić coś uroczyście'; *celibat* «монашеский обет» 'wstrzemięźliwość płciowa') охватывает культуру в целом (ср., напр., культовый для польского сознания роман «Ogniem i mieczem" Henryka Sienkiewicza). Ориентация на французскую культуру отражена в таких выражениях польского языка, как *w stylu cesarstwa* 'charakterystycznym dla okresu panowania cesarza Napoleona I we Francji, w stylu empire', *ciasto francuskie* «французское тесто» 'слоеное', *francuski obcas* «французский каблук» 'каблук-шпилька', *francuski piesek* «французский песик» 'кто-либо избалованный, с капризами'. Концепт 'Этикет', включающий в польской версии обязательное целование даме рук, вербализован в выражениях *całusek* «поцелуй» 'damskie rękawiczki z otworkiem na zewnętrznej stronie dłoni', *robić, stroić ceregiele* «устраивать церемониал» 'nieszczerze wymawiać się'; *robić z kimś ceregiele* «быть преувеличенно вежливым» 'być dla kogoś przesadnie grzecznym, cackać się z kimś' и др. «Экзотические» сравнения, возможно, идущие от известной эксцентричности поляков (ср. известное выражение *słomiany ogień*, характеризующее польский характер, быстро вспыхивающий, но и мгновенно сгорающий, в отличие от русской манеры *долго запрягать, но быстро ехать*), отражают в названиях польского быта реалии весьма далеких краев: *abisynki* «абисинки» 'cherbatniki ciemnobrązowego koloru', 'mieszanka cykorii i kawy zbożowej'; *bagdady* «Багдады» 'skóra baranków', 'futro z tych skór'; *kabul* «Кабул» 'gęsty pikantny sos dla potraw mięsnych'; *kacyk* «племенной вождь острова Гаити» 'urzędnik, sprawujący władzę w sposób samowolny, arbitralny'; *kałmuk* «калмык» 'koń stepowy', 'gruba tkanina bawełniana'; *biały murzyn* «белый негр» 'o czlowieku ciężko pracującym, wyzyskiwanym, źle traktowanym'; *murzynek* «негритенок» 'mocna czarna kawa'; *landrynkowe kolory*, по французскому имени владельца фирмы: «леденцовые цвета» 'яркие'; *landrynkowa historyjka* 'sentymentalna'; *laurka*, от лат., затем ит. имени Лаура, «поздравительная открытка» 'przesadnie pozytywna opinia podana do wiadomosci publicznej'.

Русская равнина, земледельческая и сырьевая специализация России, частые войны с захватчиками и постоянная готовность к очередной обороне своей земли отразили в образной форме «*степь да степь кругом*», *Птицу-тройку* Н.Гоголя и *степную кобылицу* А.Блока, *«Степь»* как 'Россию' и *траву* как 'русский народ' А.Чехова, способствовали закреплению в русском языке и культуре в целом образных эталонов поведения и предостережений о вызовах русскому миру, способствовали сакрализации ратного труда. Концепт 'Враг' вербализован выражениями *как Мамай прошел, незваный гость хуже татарина, ни бельмеса ни смыслить* (от тат. *бильмез* 'не понимаю'), *погиб, как швед под Полтавой, держать порох сухим*. Предметная метафора русского языка отразила ремесленную деятельность (*бить баклуши, попасть впросак, точить лясы, взялся за гуж – не говори, что не дюж, дым коромыслом*), гастрометафора – ритуальность еды (*заварить кашу*). Религиоморфная метафора запечатлела языческие и христианские практики (*очертя голову, перемывать косточки*). Русские реалии закрепились в выражениях *мерить на свой аршин, во всю ивановскую, коломенская верста* 'высокий, долговязый', *потемкинские деревни, делать с кондачка*. Русский взгляд на мир (*дорого яичко к христову дню; глаза боятся, а руки делают; и мы пахали, мелкая сошка, упасть на добрую почву; перекати-поле; топорная работа; хлеб-соль; было дело под Полтавой; на миру и смерть красна*) является исторической памятью и каноном поведения нации.

Метафорические модели взаимосвязаны. Артефактные метафоры косвенно характе-

ризуют ландшафт и климат: *Лыка не вяжет* ‘об очень пьяном человеке, не координирующем свои движения и не способном связно говорить’. Выражение связано с народным промыслом: из лыка (липовой коры) плелись короба, туески и лапти [2]. Социоморфные метафоры отражают структуру славянского мира и выражают его оценку: *Из грязи да в князи* попасть, выйти, вылезти ‘быстро и неожиданно выбраться из безызвестности, выдвинуться по службе, разбогатеть’[3, с. 267–268]. Сходные образные выражения в других европейских языках свидетельствуют о древности образа: ср. англ. *from rags to riches*. Народная традиция символически выражается через предмет: *Арбуз поднести (дать), дати гарбуза, дістати гарбуза, піднести печеного гарбуза,* укр.; *дадоха нъ тиква в ръка,* болг. ‘отказать жениху при сватовстве’. Украинский по происхождению оборот связан с обычаем отказа от сватовства, при котором девушка, к которой сватались, подавала на закуску к водке, принесенной сватом, вместо буханки хлеба (или хлеба с солью – как символа согласия на брак) обыкновенную тыкву [2].

Разные исторические судьбы славянства (средневековая и новая история) создали уникальные этнические образы. Пятисотлетнее турецкое иго не только способствовало формированию аналитизма болгарской грамматики, но и сформировало большой пласт образности кочевых захватчиков и аксиологическую дихотомию «болгарин – турок» (*Хубаво момче, но турче!* «Прекрасный парень, но турок!»). Так общие когда-то корни дали разные кроны.

Этнические концепты продуцируют метафорические переосмысления сквозь традиционные мировоззренческие и эстетические фильтры. Как и эволюционирующий концепт, метафорические модели также подвержены динамике. Так, русская ландшафтная метафора, сформировавшая в большой степени евразийство национального мироощущения, характеризуется культурологами как «пространство степи и моря» [5]. Даже владычица морей Британия с ее морской метафорой пучины, песка, корабля, прибоя переориентируется, по мнению культурологов и политологов, в державу континентальную (на территории бывших и новых колоний, надо полагать) [8, с. 1].

В истории славянства регулярно чередовались тенденции интеграции и дезинтеграции. Факторами объединений была, как правило, внешняя угроза. Общим направлением развития славянских языков с эпохи национального возрождения являлась дезинтеграция. Однако после угрозы уничтожений наций и народностей в периоды Первой и особенно Второй мировой войны возобладали тенденции интеграции. Так, известно, что в условиях Австро-Венгрии чехи, словаки и сербы взаимно помогали друг другу в большей степени, чем неславянским народам монархии. Славянский вопрос в конце концов привел к началу Первой мировой войны и распаду Австро-Венгерской империи. В XX в. формируются мультинациональные славянские государства с одним-двумя государственными или фактически государственными языками (Югославия, Чехословакия, СССР). Примером современного тесного сотрудничества славян в ЕС является поддержка Словакией Хорватии.

Векторами развития современного славянства является объединение большинства славянских стран в рамках ЕС («Возвращение в Европу»). Глобальная установка на доминирование одного из мировых языков также не способствует развитию исконных метафорических моделей. Иноязычные вставки – *Но когда он надевает грубый ремень на самое дешевое платье, он становится чуть-чуть фэшн* (Рус. news-week. 2009. №13. С. 69); *Стильные советы – новые летние must haves* (Quelle. Весна – лето 2012. С. 5) – при межкодовом переключении блокируют ассоциативную ауру исконных лексем. Тем не менее существует несколько факторов, способствующих как сохранению старых метафорических фильтров, так и появлению новых ракурсов переосмыслений. Во-первых, это высокая степень обобщения переносных переосмыслений: *Под землей* найти, отыскать, достать ‘приобрести огромные, нечеловеческие возможности, вступив в сговор с дьяволом, что наделяет такими качествами, как вездесущесть и всеведение’: *Они молочка просили. Парного деревенского молочка, а я им – кофе, кофе, кофе… надо бы им из-под земли парного молочка достать…* (Ю.Семенов. Альтернатива) [2, с. 532–533]. Во-вторых, как и любой семиотический объект, фразеологизм подвержен концептуальной эволюции: *Баба-яга [костяная нога]* ‘богиня смерти и воскрешения, стертый образ свергнутого идола’ – ‘о злой, сварливой и безобразной старой женщине’ [1]. В-третьих, для фиксации новых денотатов и ситуаций экономнее использовать уже известные языку модели: *амбарная книга, ананасы в шампанском, бархатная революция, бином Ньютона, битва за урожай, блат выше совнаркома, брови домиком,*

бывшие люди, вихри враждебные, всем колхозом, всемирная паутина, встреча без галстуков, вызвать на ковер, выходить на финишную прямую, голубые береты, гражданин мира, день открытых дверей, железная леди, застегнутый на все пуговицы, нужен как рыбе зонтик (собаке пятая нога, щуке брюки, ежу футболка), отгородиться китайской стеной, птичий язык, утечка мозгов, физики и лирики, фабрика грез. Современные словари образных слов фиксируют неуклонное увеличение фразеологии языка.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. 2-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1975.

2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / СбГУ; межкаф. Слов. каб. им. Б.А.Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н.Телия. 4-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

4. Карпенко Л.Б. Как создавалась славянская письменность. Самара : Самар. гуманит. акад., 2004.

5. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры (Теоретический очерк) : учебник. М. : Наука, 1994.

6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004.

7. Мюллер В.К. Англо-русский словарь = English-Russian Dictionary. 23-е стер. изд. М. : Рус. яз., 1992.

8. Фурсов А. Конец постсоветской эпохи // Завтра. 2012. №4. С. 1–3.

9. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса : моногр. Волгоград : Перемена, 2003.

10. Słownik języka polskiego / Red. naukowy prof. Dr. Mieczyslaw Szymczak. T. 1–3. Warszawa: PWN. – 1978–1981.

11. Rosh E. Basic objets in natural categories // Cognitive psychology. 1976. № 7. P. 573–605.

Roots and crowns: concept as a gene of metaphors (by the material of the Russian, Polish, Bulgarian and English languages)

There are considered the issues of cognitive modeling (based on the material of Slavic metaphoric models).

Key words: *metaphors, model, basic model, concept, frame, evolution.*

Т.С. ШАДРИНА
(Орёл)

ЗАГАДКА О МЕЛЬНИЦЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ КОНТАКТНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

(на материале русской фольклорной традиции в Литве)

Рассмотрены возможные пути возникновения образности в одной из загадок о мельнице, зафиксированной в среде русского старожильческого населения Литвы. Прослеживается влияние украинской, белорусской, общерусской фольклорных традиций, осложненное спецификой местных условий. Анализируется механизм включения заимствованной загадки в репертуар.

Ключевые слова: *загадка, иноэтническое окружение, русские старожилы Литвы, контактные параллели.*

Загадки о мельнице занимают заметное место в фольклорных традициях разных народов. Это обусловлено прежде всего значимостью предмета загадывания, связанного с важнейшим для человека продуктом питания – хлебом. Мельницы, особенно ветряные, неизбежно привлекали внимание своей выразительной формой, четко выделявшейся на фоне неба, а также постоянным шумом и использованием для их работы силы природных стихий.

Широко распространены загадки о мельнице и в Литве, в том числе в русской среде. Большинство русских старожилов в республике – потомки бежавших из России раскольников, которые около 300 лет живут вперемешку с литовцами, в близком соседстве с поляками, белорусами, поэтому владеют несколькими языками. Давние экономические и культурные связи с представителями других национальностей наложили заметный отпечаток на местную русскую фольклорную традицию [1, с. 148].

Следует подчеркнуть, что в условиях иноэтнического окружения фольклор оберегается с особой тщательностью, поскольку воспринимается в качестве элемента национального сознания и культуры. В то же время язык и устное народное творчество других народов, населяющих данную территорию, полилингвизм местного населения не могут не оказывать воздействия на состав, образность и бытование

© Шадрина Т.С., 2012